

— Я написала более сорока книг: романов, повестей и рассказов, — сказала нашему корреспонденту известная советская писательница Людмила Уварова, — однако, признаюсь, последняя моя книга, которая в сущности не стала еще книгой, а является всего лишь рукописью, кажется мне самой изо всех значительной, самой для меня важной. Почему? Потому что в ней я описала встречи с различными людьми за годы моей жизни, с теми, с кем меня stalkивала моя журналистская практика, ведь путь в литературе я начала с работы в газете «Вечерняя Москва», а потом в Совинформбюро. И только с сорок седьмого года сменила стезю журналистики на труд профессионального литератора-прозаика.

Книга «День и час» состоит из отдельных новелл. Есть в ней рассказ о дочери знаменитого полководца Михаила Николаевича Тухачевского Светлане, с которой я была дружна в детстве, о том, как мне несколько раз довелось видеть самого маршала... Есть рассказы о Борисе Полевом, Константине Симонове и Валентине Серовой...

Однажды Генрих Густавович Нейгауз сказал мне, когда я была как-то у него:

— А вы никогда не собирали свои интервью воедино?

— Нет, как-то не приходило в голову, — призналась я.

— Еще придет время. С годами, вот увидите...

Он оказался прав.

Когда материал готовился в печать, пришло печальное сообщение о том, что Людмилы Захаровны Уваровой не стало. Остались ее хорошие книги, в том числе и та, которую писательница считала «самой изо всех значительной» и отрывок из которой мы предлагаем вниманию читателей.

Александр ЩУПЛОВ.

ВТО ЛЕТО шестьдесят шестого года я приехала на две недели в Комарово, в Дом творчества писателей.

Комарово не легло на душу: сумрачная природа, высокие, строгого вида сосны, дюны, серые волны залива. Нет, никакого сравнения с жизнерадостной, яркой природой Подмоскovie.

— Познакомься, — сказал Черкасов. — Это Гинзбург Евгения Семеновна.

Мне ничего не говорило это имя, а он продолжал:

— Наверное, ты знаешь ее сына Василия Аксенова?

— Разумеется, знаю, — сказала я. — Приходилось не один раз встречаться в «Юности», и,

кроме того, мы живем с ним в одном доме.

— А теперь вы будете жить со мной в одном доме, — сказала Евгения Семеновна. — Я живу в Доме творчества, Николай Константинович говорит, что и вы там тоже проживаете...

Она была открытой, много рассказывала о себе, о том, что довелось ей пережить. Страшные, горестные страдания обрушились на эту женщину, некогда молодую, прекрасную собой, счастливую жену и мать. Она рассказывала о том, что оставила на воле двоих детей, а вернувшись из ссылки, встретила только одного, Васю, другой сын умер. Умерла и ее мать, с мужем они, так вышло, разошлись.

— Я — голый человек на голой земле, — говорила она иной раз, а я все время оспаривала ее:

— Зачем же вы так говорите? У вас же Вася и внук Алеша...

— Да, это верно, — соглашалась она, но красивое, сильное лицо ее все-таки не преображалось радостью, оставаясь по-прежнему невеселым.

Слишком велики были страдания, выпавшие на ее долю. Слишком свежа память о них. Однажды она спросила меня:

— Хотите прочитать мою книгу?

— Конечно, хочу, — ответила я и не удержалась, спросила: — А разве вы пишете?

— Нет, я никогда не была писательницей, но вот написала о своей жизни книгу.

Помедлив, она промолвила:

— Кое-кому нравится...

И тут же оборвала себя:

— Нет, не то слово. Книга эта о жизни прожитой, правдивая до последнего слова, и это, сами понимаете, впечатляет.

Вскоре она принесла толстую папку, перевязанную тесемкой.

— Вот, возьмите...

Я читала всю ночь напролет, не могла оторваться. Рукопись, которую Евгения Семеновна называла книгой, захватила меня целиком. Это был «Крутой маршрут».

Тогда, разумеется, я не знала, что «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург обретет всемирную известность, что по этой книге будут ставить спектакли, фильмы, что скромное, никому неведомое имя автора засияет нетленным, ярким светом подлинной, неподдельной славы...

Как-то мы сидели с Евгенией Семеновной на берегу залива. Был пасмурный, не по-летнему хмурый день, солнце упрямо пряталось за тучи, хотя дождя все еще не было.

Кто-то сзади подошел к нам.

остановился рядом. Я повернула голову, увидела: Вера Федоровна стоит возле нас.

— Можно присесть к вам? — спросила Вера Федоровна. Мы сидели на стволе поваленной сосны, я быстро подвинулась, Вера Федоровна села рядом со мной. Зеленоватые глаза ее вдумчиво оглядели Евгению Семеновну.

— Я прочитала ваш «Крутой маршрут», — негромко произнесла она.

Помолчала немного, как бы решая, стоит ли продолжать говорить. — Сильно написано...

— Спасибо, — сказала Евгения Семеновна.

— Да, очень сильно, — повторила Вера Федоровна. — Мне кажется, за последнее время я ничего более сильного и впечатляющего не читала.

Евгения Семеновна сказала еще раз: — Спасибо...

— Это вам спасибо, — веско произнесла Вера Федоровна. — Впрочем, за что благодарить

◆ Страницы будущей книги

Людмила УВАРОВА

Она поморщилась, однако не стала спорить.

— Ну ладно, идите в ту комнату, прочтите, и потом мы пойдем обедать.

Она окинула меня выразительным взглядом. Я поняла ход ее мысли, на меня вся надежда, сейчас я его отбрею как следует, и тогда мы со спокойной душой отправимся обедать, благо, можно надеяться, больше этот графоман не будет ее беспокоить.

Я отправилась в соседнюю пустую комнату, села за стол, раскрыла рассказ и... остолбенева, начиная с первых же строчек. Это была прекрасная, удивительная

Людмила УВАРОВА

тальная, чудесная проза. Назывался рассказ «Некрасивая», это была история сельской учительницы, старой девы, некрасивой, тощей, которая пришла на свадьбу и с грустью глядит на всех, чувствуя себя обделенной и несчастной.

Я была поражена. Право же, ну никак не ожидала, что мне достанется счастье прочитать подобный рассказ. Язык великолепный, характер обрисован впечатляюще, автор сумел проникнуть в самые тайники одинокой женской души, показать трагедию повседневного бытия женщины, которую жизнь обошла стороной.

Я дочитала рассказ до конца, снова вошла в ту комнату, где находился автор.

— Как ваша фамилия? — спросила я.

— Меня зовут Казаков, Юрий Казаков, хотите, можно Юрий Павлович.

— Кто вы?

— Студент Литературного института.

— Вы знаете о том, что написали великолепный, превосходный рассказ?

Он широко раскрыл глаза, я увидела, что они у него голубые, ясные и какие-то, как мне показалось, детски незащищенные.

— Нет, в самом деле?

Вопрос этот прозвучал искренне, с непритворным удивлением.

— В самом деле, — ответила я.

Мы вместе вышли из редакции. Разумеется, я не пошла обедать с той самой злоязычной сотрудницей редакции. Кстати, с того дня она перестала привлекать меня к рецензированию. Нам с Юрием Павловичем было по дороге, он охотно согласился проводить меня.

— Можно, я оставлю покамест этот рассказ у себя? — спросила я его.

Он махнул рукой.

— Берите, конечно. Знаете, я решил, если и на этот раз ничего не получится, брошу писать совсем, а то, верите, сколько бы рассказов ни написал, ни один не напечатал.

— Бросите писать? — удивленно переспросила я. Он кивнул.

— Да, да, совершенно брошу и не подойду никогда к письменному столу. Уеду на Север, буду жить где-нибудь на берегу реки, ловить рыбу, вечерами слушать радио. И никогда ни о чем не вспоминать...

На следующий же день я отнесла рассказ в журнал «Знамя». Спустя буквально несколько дней мне позвонили из редакции.

— Кто этот автор? Как найти его?

Я дала адрес Литературного института. Там, наверное, можно было отыскать Казакова, мысленно я отругала себя: не могла взять у него домашний адрес? Ведь он же рассказал мне, что он москвич, живет где-то на Арбате вместе с родителями.

Самой собой, редакция «Знамя» сумела отыскать его. Его вызвали в «Знамя», поговорили с ним и предложили командировку в любое удобное ему место. Не помню, куда он тогда отправился, кажется, опять-таки на любимым им Север. Рассказ «Некрасивая» не был напечатан в журнале, почему, не знаю до сих пор, но рассказ, который Казаков привез из командировки, был напечатан, то был «Дом над кручей». А рассказ «Некрасивая» вошел во многие сборники его рассказов. Так началось его большое писательское счастье.

Все это я рассказала обeim моим спутницам — Вере Федоровне и Евгении Семеновне. Они слушали меня внимательно. Вера Федоровна сказала:

— Он обладает незаурядным талантом.

— Согласна с вами, — поддержала ее Евгения Семеновна.

Вера Федоровна произнесла задумчиво:

— У нас в литературе случается иной раз, что писателя награждают не по ранжиру, иными словами, абсолютно незаслуженно, только лишь за то, что он занимает какое-то положение, то ли секретарь Союза, то ли член ревизионной комиссии, то ли редактор какого-нибудь печатного органа. Не буду перечислять имена, вы их и без меня знаете.

— Конечно, знаем, — подтвердила я.

— Так вот, — продолжала Вера Федоровна, — в данном случае, все то, что получил Казаков — общее признание, известность, популярность, премию имени Гонкуров, которую ему присудили во Франции, — все это вполне заслужено им.

— Безусловно, — сказала Евгения Семеновна. — Мой сын Вася считает Казакова одним из лучших наших писателей-рассказчиков...

Она хотела еще что-то добавить, но тут увидела приближавшуюся к нам коридорную Глашу.

— Я к вам, — сказала Глаша, чуть задыхаясь от быстрой ходьбы. — К вам, Евгения Семеновна, сын из Москвы приехал...

— О, как хорошо, — воскликнула Евгения Семеновна, легко вскочила и, кивнув нам, побежала вслед за Глашей.

Мы с Верой Федоровной посмотрели ей вслед, потом переглянулись, как бы поняв мысли друг друга.

ПРИМЕРНО полтора года тому назад, в восемьдесят восьмом году, я была на премьере «Крутого маршрута» в Московском театре «Современник». Я смотрела на сцену, где актеры, молодые и не очень молодые, старательно исполняли трудные роли арестанток, жертв сталинщины, и вспоминала об авторе «Крутого маршрута», о наших с нею беседах, о том, что она рассказывала мне.

Жаль, до чего же обидно, что она не дожила до этого дня, думала я, как же она была бы теперь довольна и счастлива, когда труд всей ее горестной жизни получил всенародное признание, когда один из наиболее популярных московских театров ставит спектакль по ее книге, а сама книга переведена на многие языки мира и в скором времени будет опубликована у нас. (Что и произошло в том же восьмидесятом году).

А не так давно на спектакле побывал приехавший в Россию из США сын Евгении Семеновны Василий Аксенов. Говорят, ему понравился спектакль, поставленный театром по книге его матери...